

Вторая беседа М.С. Горбачева с Г. Кодем один на один

Бонн, 13 июня 1989 года

Г. КОЛЬ. Начнем второй день работы, продолжим наш обмен мнениями. Хотел бы предложить вам обсудить несколько вопросов, которые имеют значение для нашей страны, для наших людей.

Вначале хотел бы просить вас рассмотреть вопрос о возможности посещения гражданами ФРГ города Калининграда, бывшего Кёнигсберга. У нас есть круизные лайнеры, которые уже заходят в советские порты на Балтийском море. Наверное, не будет ничего плохого, если они будут заходить и в Калининград, а туристы смогут сойти на берег и пробыть какое-то время в городе. Это могло бы быть, конечно, и источником валютных доходов для Советского Союза.

Далее хотел бы поблагодарить вас за начатую передачу нам списков немецких военнопленных и открытие для посещения новых кладбищ в местах их захоронения. Этот аспект имеет для нас важное психологическое значение. Здесь же осуществляются плодотворные контакты по линии Красного Креста. Их дальнейшее развитие принесет взаимную пользу, послужит делу взаимопонимания между народами СССР и ФРГ.

Есть еще один трудный вопрос из прошлого. Накануне вашего визита я получил много писем от наших граждан. Пишут те, кто сам или чей родственник попали в свое время под паушальное (Групповое. — *Ред.*) осуждение в Советском Союзе в ходе войны и после нее. Конкретно речь идет об имевших место фактах осуждения военнопленных немцев целыми частями и соединениями без какого-либо индивидуального подхода. Об этом рассказали те, кто вернулся из Советского Союза после освобождения, которое согласовал в ходе своего пребывания в Москве К. Аденауэр в 1955 году. Давайте поручим нашим представи-

телям в доверительной атмосфере обсудить эту проблематику. Это поможет устранить нам еще одно белое пятно в наших отношениях.

Еще один вопрос. Мы знаем, что советское руководство намерено в духе перестройки принять необходимые решения по национальному вопросу. У вас сейчас в этом смысле трудный период. Но мы уверены в том, что вы сумеете разрядить обстановку. Раз предстоит решение по национальному вопросу, позволю себе напомнить о советских гражданах немецкой национальности.

Нам кажется, что у вас в стране дело идет к тому, чтобы предоставлять автономию тому или иному национальному меньшинству в местах его компактного проживания или возвращать его туда, откуда оно было в свое время выселено. В этой связи, может быть, имело бы смысл взвесить вопрос о выделении автономной административной единицы, например области, и для советских немцев. Вы примете политическое решение, а мы, естественно, не останемся в стороне, окажем то экономическое содействие, которое будет сочтено возможным и желательным. Следует обдумать какую-то модель. И мы бы могли, если будет необходимо, принять в этом посильное участие в допустимых пределах.

По данному вопросу мы не намерены поднимать какой-либо шум, раздувать публичную дискуссию. У Советского Союза и без того на этот счет забот хватает. Просил бы вас только держать в поле зрения то, с чем я к вам сейчас обратился, обдумать мои соображения и, когда у вас вызреет ответ, проинформировать нас.

М.С. ГОРБАЧЕВ. У меня в делегации есть три советских гражданина — немцы по происхождению. Это актриса Фрейндлих, академик Раушенбах и Наташа Геллерт — механизатор.

Национальные вопросы будем решать, они у нас были загнаны внутрь, а сейчас все более требовательно напоминают о себе.

То, что вы сейчас сказали, в том числе и относительно посещения Калининграда, мы обдумаем.

После нашего разговора в октябре относительно судьбы пропавших без вести военнопленных мною были даны поручения. В результате в наших архивах обнаружено 30 тыс. дел военнопленных, умерших в Советском Союзе. Всех, кто пропал без вести, установить невозможно, а на умерших дела сохранились. Сейчас эти дела обрабатываются, и по мере готовности списки будут передаваться западногерманской стороне. Как мне известно, список на 1500 человек уже передан. Работа здесь по линии Красного Креста будет продолжаться.

Расширяется и число открытых для посещения кладбищ. Помимо Елабуги и Казани в РСФСР, мы открываем два кладбища в Узбекистане — в Коканде и Кагане.

Хотел бы воспользоваться случаем и поблагодарить через вас Народный союз по уходу за военными захоронениями в ФРГ, который передал нам списки наших соотечественников, чьи останки покоятся в западногерманской земле. Прояснена судьба почти 340 тыс. человек. Эта акция воспринята у нас с глубокой признательностью.

Паушальное осуждение у нас целых частей и соединений вермахта для меня вопрос новый. Мы в нем разберемся, а потом продолжим наш разговор.

О советских немцах мы говорим уже не первый раз. Это наши хорошие граждане, их уважают, относятся к ним, как и ко всем советским людям. У нас еще не опубликовано основное Постановление Съезда народных депутатов. В проекте, который обсуждался, в частности, предлагается дать поручение Верховному Совету СССР рассмотреть вопрос о восстановлении прав целого ряда советских национальных меньшинств. Там речь идет и о крымских татарах, и о месхетских турках, и о немцах, и о других национальностях.

Вопрос о предоставлении национальным меньшинствам автономии стучится в дверь, и мы не можем закрывать на это глаза. Его следовало бы, конечно, решать раньше, потому что территории, где они раньше жили, теперь заселены и обжиты. Перестройка в этом деле тоже нужна. Прикосновение к этому вопросу является весьма болезненным. Однако решать его надо, жизнь требует.

Г. КОЛЬ. Что будем делать с Западным Берлином?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я поинтересовался ходом дел по соглашению о судоходстве. Фактически суда уже плавают, причем давно. Соглашение явится лишь юридической основой для такой деятельности.

Думается, что вопрос находится на пути решения. Поэтому хотел бы предложить поручить нашим специалистам продолжить над ним работу и довести ее до конца.

Г. КОЛЬ. Конечно, раз затрачено столько усилий, то вопрос надо доработать. Мы придаем важное значение этому соглашению.

(Во время беседы состоялся обмен мнениями по проблемам сокращения вооружений и о ходе советско-американских переговоров на эту тему.)

Г. КОЛЬ. У нас не только общая судьба, но и общая история. Сейчас, когда мы с вами беседуем, наши жены посещают мемориал в Штуккенброке — место, где похоронены погибшие в войну советские граждане. Ни в ФРГ, ни в СССР нет ни одной семьи, которая не была бы затронута войной. У меня два сына — офицеры бундсвера, а брат погиб в войну.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Политика, лишённая нравственности, не может считаться серьёзной политикой; безнравственным политикам не может быть веры.

Г. КОЛЬ. На недавней встрече в верхах в НАТО я прямо сказал своим коллегам, что я единственный из вас, у кого оба сына служили в армии, интегрированной в НАТО. При этом я подчеркнул, что, конечно, не трус, но просил иметь в виду, что я немец и хорошо знаю историю и географию.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Очень признателен вам за эти честные и откровенные суждения. Ценю то доверие, которое нарастает между нами от встречи к встрече.

Г. КОЛЬ. Давайте чаще общаться, звонить друг другу по телефону. Мне думается, что многое мы в состоянии сделать сами, не отдавая дела ведомствам, которые могут затянуть их рассмотрение.

Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1